

«ГЕРАСИМ»

Дед приладил седло, коня подвел к пеньку, чтоб удобнее было забраться, и, кряхтя, уселся верхом. Петька тоже встал на пенек. Дед помог ему устроиться за седлом, на заранее постеленной старой фуфайке, и они двинулись в сторону деревни. Конь, чувствуя, что нужно домой, шел весело и размашисто.

Солнце еще светило, исчезая за горизонтом, и когда всадники подходили к деревне, стало темнеть. По дороге Петька расспрашивал деда о чем-нибудь. Например, когда дед, обшарив карманы, начал закуривать, внук спросил:

— Дед, а почему люди курят?

— Да дураки потому что.

— Значит, ты — дурак?

Дед засмеялся.

— Выходит, что так. Дурак, потому что начал курить еще в школе, не хотел отставать от своих пацанов — одноклассников. Они в туалете курят, и ты вместе с ними, нет

чтобы отказаться. Мать меня ремнем отстегала, отучила на время. Пошел работать на стройку после школы — там сплошные перекуры. Мужики взрослые протягивают сигарету — кури, мол, уже взрослый. Тоже начал втягиваться. А как в армию попал, стал капитально курить. Матери-то рядом нет. В начале службы в роте — а рота около ста человек — некурящих было процентов семьдесят, то есть семьдесят человек не курили, а когда на дембель пошли, то есть когда служба закончилась через два года, некурящих осталось всего два человека. Так что дед твой не просто дурак, а трижды дурак.

— А если бросить?

— Да бросал я. Несколько раз. Но потом снова закуривал.

Они некоторое время молчали. Лошадь дошла до реки, вдоль которой лежала дорога. Петька смотрел на реку — глубокую, быструю. Вода, разбиваясь о большие камни, далеко разбрасывала брызги.

— Дед, а лошадь в этой реке может утонуть?

— Нет, лошади эта река нипочем, только она в камни не полезет — перебредет или переплывет в другом месте, где спокойнее.

— А собака может утонуть?

— Собака? Ну, если бросить — может, думаю. О камни ударится — здесь камней много, да и течение сильное.

— А кто ее бросит-то? Ты бы мог?

Дед не ответил, молча ехал, пыхтя своей сигаретой.

— Дед, чего замолчал? Расскажи чего-нибудь.

— Ну, слушай. Был у меня в жизни такой случай. Как раз об этом и думал. Ты спросил, мог ли я собаку в речку бросить. Наверное, мог. Вернее — хотел.

Дед притушил окурок о свой сапог, бросил на дорогу, немного помолчал. Затем продолжил:

— Было мне тогда лет тридцать. Живем мы, значит, я уже женатый. Ну, а в деревне обычная жизнь: коровы, куры... Со всем этим хозяйством супруга моя, твоя бабушка, которая померла три года назад, управлялась. Дочке нашей, то есть матери твоей, было года два-три. И вот жила у нас собака, сучка Найда. Каждый год щенят приносила. Первое время как-то их раздавали: знако-

мым, друзьям. Но потом, когда все были обеспечены щенками, мы не знали, куда их девать. Сосед Васька, всегда под хмельком, по жалобе бабушки насчет «приплода» равнодушно топил щенков в бочке с водой. Я в это время уходил куда-нибудь.

Найда снова приводила своих ухажеров. Те всю ночь лаяли, дрались, не давали спать. Что я только ни делал. На цепь ее привязывал, но что толку, кобелям перемахнуть через забор ничего не стоит. В стойло коровье закрывал, так она нору выроет за ночь и убежит, а потом через некоторое время опять брюхатая. Бабушка пилит день и ночь. Стал соображать, как быть.

— А вы всех щенков ее топ... отбирали, раздавали? Ни одного не оставляли?

— Нет, не оставляли, нам одной Найды по горло хватало. И вот думаю, что же делать. Думал, думал и решил я ее утопить. «Муму» помнишь, вы изучали в школе, рассказ такой?

— Конечно, там Герасим свою собаку утопил.

— Вот-вот, и я так же решил. Во дворе лежал большой камень, килограммов на пятнадцать, его вытащили, когда яму под туалет копали. Привязал к нему веревку. У меня тогда был мотоцикл «ИЖ Планета» с коляской. Положил я этот камень в коляску, думаю: вечером повезу топить Найду. Темные дела замышляю, надо действовать тоже, когда темно. Я уже знал, куда поеду. В это время Найда вертелась около меня. Я ее приучил ездить в коляске. Как начну с мотоциклом возиться, собираться куда-то, она залезет в коляску и сидит там спокойно. И на этот раз, то запрыгнет в коляску, то выпрыгнет, поняв, что сейчас я никуда не еду. Посматриваю на собаку, и бабушка тоже поняла, смотрит на Найду. Жалко всё-таки, своя.

Когда стемнело, я оделся, вышел на улицу, открыл ворота. Думаю, Найду привяжу к веревке, чтобы там, на месте, не возиться. Кликнул ее. Нету Найды. Я прошел по двору, крикнул сильнее. Нету. Я еще постоял, подождал. Не дождавшись, вернулся домой. Через некоторое время снова вышел, позвал Найду громко. Никого. Ладно, думаю, встану пораньше, убежала куда-то, наверное.

Утром оделся, выхожу — Найды нет. Такого никогда не случалось. Даже во время собачьих свадеб она хоть под утро, но появлялась, виноватая, а здесь... странно.

Ладно, думаю, появится, куда денется. А следом мысль: «Нет, не появится». И точно, вечером прихожу с работы — ее нет. Найда всегда встречала меня. Бабушка ничего не сказала. А я даже не спросил, прибежала ли Найда. Молча поужинал, вышел на улицу и выкатил камень из коляски. И этот камень так и лежал во дворе, пока мы не переехали. А Найда так и не появилась.

— Совсем? А как ты думаешь, куда она делась?

— Я много думал об этом. Многое можно предположить. Попала под машину, например? Но тогда мы бы всё равно узнали, Найду все соседи знают. Отравилась? Но помирать бы всё равно домой пришла. Она травилась как-то. Так еле-еле притащилась, неделю болела. Бабушка молоком отпаивала. Подохла бы в другом месте, всё равно кто-нибудь бы увидел. Кто-то украл белковать? Но это не лайка, сразу видно, кому дворняжка нужна. Да и не дастся она кому чужому в руки. Многое передумал. Я вспоминаю тот день. Только потом начал понимать, как себя Найда вела. Не как обычно. И выпрыгнула она из коляски не потому, что поняла, что никуда не поеду, не потому...

— А почему?

— Она всё поняла. Всё. И ушла от нас.

— И больше никогда-никогда не появлялась?

— Никогда. Я знал, что она не вернется. Но ждал. Дал себе слово, что если прибежит, пальцем не трону. Пусть приносит щенков каждый год, пусть кобелей водит, пусть... Не прибежала...

Они доехали. Дед пошел в сторону речки, к поляне, привязывать коня. Потом выпили чаю и легли спать. Петька долго ворочался, не мог уснуть.

— Что, Петька, не спится?

— Нет. Дед, а как ты думаешь, Найда сейчас жива?

— Нет, конечно. Ей бы сейчас было... наверно, лет сорок-пятьдесят. Так долго собаки не живут.

— А сколько они живут?

— Ну, лет десять-пятнадцать. Не больше.

— А как ты думаешь, потом щенки у ней были?

— Не знаю, если жива была, наверно, были.

— А у меня дети будут?

Дед рассмеялся.

— Ну, это уже от тебя зависит. А ты бы хотел?

— Хотел бы. А ты детей хотел?

— Как не хотеть? Конечно. Это главное. Вон у меня их трое: мама твоя и еще двое сыновей. Как бы ни было, это самая большая радость, если у тебя дети.

Они помолчали. Петька сказал тихо:

— И она детей хотела.

— Что, не понял?

— Найда. Она хотела детей. И каждый год их приносила. А их у нее отбирали. Раздавали. Топили. Она снова приносила. Их опять отбирали. А она хотела, чтобы дети рядом с ней росли. И — убежала. Туда, где бы детей у нее не отбирали.

Дед ничего не ответил. Встал, подошел к печке, взял чайник, налил чаю в чашку. Пил тоже молча, о чем-то думал. Допил чай, подошел к Петьке, поправил одеяло, погладил по голове: «Спи».

ЁЛКАПАЛКА

Уже несколько дней Петька с дедом ездили на покос. Не сказать, что от Петьки толку не было. То чай вскипятит, то деду воды принесет, то развлекает его разговорами. Неторопливо, прокос за прокосом, поляна за поляной, работа продвигалась. Покос был километрах в десяти от деревни, люди встречались редко. Иногда проскочат на мотоциклах такие же покосники, или на машинах сильно скорые сено провезут. Одни тормознут, перекинутся с дедом несколькими фразами и дальше едут, другие не останавливаются, так посигналят.

Но сегодня появился гость. Это был старик небольшого роста, примерно такого же возраста, как и дед. С морщинистым лицом, веселыми бегающими глазами, с жиденькой бородашкой. Он подошел, когда Петька с дедом собирались обедать.

— Но и жара, елки-палки. Как в такой день косите? Привет, Миша!

— Привет-привет, Елкапалка. А ты куда двинулся?

— Да вот, — старик вытер пот со лба, — корова ушла с теленком. Третий день ищу, елки-палки.

— Коров мы не видали. Лошади были. Вчера проходили. По-моему, Семёныча.

— Да кого ни спрошу, никто не видел. Куда подевалась, зараза. Елки-палки, поздно пришел, не успел телка загнать. Видимо, в тот же вечер забрала теленка и — подальше от дому.

— Да, тяжело, конечно, одному-то. А че детям не оставишь, тебе-то молоко теперь ни к чему. Вот мы с Петькой корову в тайгу отдали, молоко пьем магазинское.

— А сено-то косишь, елки-палки. Корову все равно будешь держать. Мы с тобой с детства приучены, нас теперь только могла отучит. Корова — хоть какое-то занятие, а то чего делать, водку пить, елки-палки? Так за нас ее вон молодежь неплохо попивает.

— У тебя хоть какое-то занятие — шахматы, соперники-то есть?

— В район езжу, здесь нет. Молодым сейчас ничего не надо. Начинаешь учить, они в свой телефон уткнутся и тебя не слушают. И куда всё катится, елки-палки? Вот ты, Петька, скажи: вас, кроме телефона, что-нибудь интересует, елки-палки? Занимаешься ли спортом, например?

— В футбол играю.

— Вот это хорошо. А телефон у тебя где?

— Дома. Сломался.

— Вот. А был бы целый, играл бы ты с ним целыми днями, елки-палки. И деду бы не помогал. Кстати, а интересно тебе с дедом ходить, на лошади трястись?

— Да ничего. Дед мне разные истории про свою жизнь рассказывает, тоже нравится.

— Молодец, елки-палки. А вот скажи, кого из шахматистов знаешь?

— Из шахматистов? Не помню... не знаю.

— Плохо, очень плохо. А в шахматы умеешь играть?

— Нет, не умею. Вернее, знаю, как играют, но не увлекаюсь.

— Тогда назови мне, елки-палки, самых богатых людей в нашей стране.

— Олигархов? Абрамович, например, у него футбольный клуб «Челси»...

— А кем стать хочешь?

— Не знаю пока. Может, по линии МЧС.

— Вот, Миша, тебе наглядный пример, елки-палки. Молодежь не знает шахматистов, но знает богачей. Они сегодня кумиры у нас. Где человек труда? Доярки, сталевары, косари, елки-палки, где?

Дед подал кружку с чаем старику:

— Выпей чаю, не кипятись.

— Как не возмущаться, Миш. Мы с тобой в сенокосную пору спали в шалаше, всё вокруг скашивалось, техники сколько было, табуны лошадей, коровы стадами... А теперь? Где это всё, елки-палки? Молоко в магазине, которое вы пьете, это разве молоко? Краска! Ты скажи мне, Миша, дальше-то что? Молодежь не умеет работать, потому что негде, елки-палки! Пьянство! Телевизор включи... Как мы молодежь воспитываем, елки-палки?

— Ну, кто хочет, всегда найдет работу. Вон, сам видишь, поднялись же некоторые, живут нормально.

— Кто поднялся? Кто понаглее, заграбастал колхозное и на этом нажился, елки-палки.

— Ну и что ты хочешь? Что нужно делать? Орать-то мы все мастера.

— Делать, Миша, много не надо, елки-палки. Во-первых, прекратить в стране водку продавать. Совсем. В магазин зайди, на самом видном месте, в красивых картинках, елки-палки. Потом нужно закрыть все передачи, что по телику гоняют, елки-палки. Поменять там всех работников, пусть нормальные программы придумывают, чтобы молодежь воспитывалась правильно. Дальше — школа. Вот в Калмыкии ввели обязательные уроки шахмат. Я считаю, что шахматы — это всё. Человек, играющий в шахматы, развивает свой ум. Научить человека играть в шахматы — значит научить его думать, размышлять. Дальше, после школы, он уже готов к жизни. Хоть учиться иди, хоть свое

дело открывай, елки-палки. Так и по всей стране надо было сделать. И росло бы молодое поколение самостоятельным, умным, думающим, елки-палки.

— Ты корову сегодня будешь искать?

— Да, заболтался я с вами, елки-палки. Пойду, спасибо за чай.

— Давай, удачи тебе в поисках.

— Спасибо, елки-палки. Миша, сколько дней косил-то? Дня три-четыре?

— Да пятый день уже кошу.

— А помнишь, мы с тобой в седьмом классе норму взрослого выполняли? Два вечера покосил, и корове на зиму хватает, елки-палки.

— Время, Елкапалка, что сделаешь. Сюда бы меня тогдашнего — пару дней, и покос бы закончил. Теперь мы с тобой — всё, труха.

— Да-а. Ладно, бывайте. Петька, в шахматы играй. Научишься, сыграем, елки-палки.

Гость ушел, дед молча допивал чай и смотрел ему вслед. А вечером рассказал про гостя.

— Спрашиваешь, почему его так зовут? Но ты же видишь, он через слово «елки-палки» да «елки-палки». Даже не знаю, откуда у него это. Мне кажется, он всю жизнь так говорит. Вот и прилипло прозвище «Елкапалка» еще в детстве. А потом и именем стало. А зовут его... вот видишь, забыл... сейчас вспомню... Степан! Да, Степан. Но по имени его никто не зовет. Росли мы вместе, учились в одном классе. Учился он здорово. Особенно по математике. Учительница его очень хвалила. Башковитый. Сызмальства разбирался в мотоциклах. Когда подрос, шоферил, как я. Технику ценит, любил всякие штучки придумывать. Как-то смастерил транспортер, чтобы мешки выгружать из машин. Вся деревня смотреть сбежалась. Вон, во дворе, видел же у него — машина стоит. Или трактор, не поймешь. Еще в советское время собрал. Колеса от машины, кабина от трактора, движок от «Беларуси», мосты, ходовка тоже от машины, тележка тракторная. И всё на одной раме. Только в последнее время не видел, чтобы он его заводил. Бензин-то сейчас дорогой.

— А в шахматы Елкапалка тоже в школе начал играть?

— Нет. В тюрьме.

— Он в тюрьме сидел?

— Да не раз. Шебутной, когда выпьет. А по молодости так и подавно. Выпьет — и в драку сразу лезет. Видел же, как он вскипает, когда о чем-то говорит. С ним спорить бесполезно. Будет стоять на своем до конца. А подвыпившим мужикам много ли надо. Слово за слово — и драка. Сидел он три... так...да, три раза. Во второй раз когда сидел, я к нему ездил на свиданку, продуктов отвез, курева. Так вот, на зоне Елкапалка научился играть в шахматы. Там, говорят, или в карты играют, или в шахматы. Он всех обыгрывал, занимал особое положение.

— А на что играют?

— А на всё. На деньги, на курево... И главное, в тюрьме Елкапалка помогал своим землякам. О нем всегда уважительно отзывались. Отсидит, паразит, выйдет, подерется — и снова туда. В этих пьяных разборках его сколько раз ножом полосовали. Отлежится в больнице, бросит пить на время, начинает тренироваться. Повесит мешок с песком и колотит. Интересный. Женился, у него две дочери, в городе живут. Не вижу, чтобы внуки приезжали. Бабка его раньше моей померла, года на два. Теперь Елкапалка не пьет. У него одна болезнь — шахматы. Куда бы ни пошел, под мышкой всегда шахматная доска. Удивляюсь, почему сегодня без них. Участвует во всех шахматных соревнованиях в районе. Пешком ходит. Как-то приехали гости в нашу деревню. И кто-то прознал, что среди них есть мастер спорта по шахматам. И пришла в чью-то голову мысль, чтобы он сыграл с Елкапалкой. Людей набралось в клубе! Решили сыграть три партии. Первая — вничью. Вторая — тоже ничья. А третью мастер спорта выиграл. Но он похвалил Елкапалку. Они еще долго беседовали, Елкапалка притащил из дома книги по шахматам, их у него много. Разбирали различные партии. Расстались друзьями, гость оставил свой адрес, телефон, договорились созваниваться.

— Дед, а в тюрьме разве можно в шахматы играть?

— А что, там не люди? Как говорится, «от тюрьмы...» Не дай бог там оказаться. Но в жизни всякое бывает. Вот Елкапалка.

Ведь не скажешь, что в тюрьме сидел. Человек как человек. Никогда не видел, чтобы он этим хвастался. Ребятишек учит в шахматы играть, разве это плохо. Они к нему домой приходят. И он, вижу, старается, чтобы дети нормальными росли, не хочет, чтобы у них, как у него, жизнь сложилась. Неравнодушный человек.

— Дед, а ты сам в шахматы не играешь?

— Нет, не играю. Не тянет. Да и поздно уже. Но любимое дело должно быть у каждого. Чтобы человек был увлечен этим делом, чтобы глаза горели.

— Как у Елкапалки?

— Да, как у него.